

Авдотья и Пифагор

мужской + взгляд

Иосиф Гольман

Иосиф Гольман
Авдотья и Пифагор
Серия «Мужской взгляд»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948875
Авдотья и Пифагор : роман / Иосиф Гольман: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-58517-5

Аннотация

Что делать, если любишь чужую жену?

Или даже не так – если твоя любимая женщина по несправедливости принадлежит другому?

«Смириться», – скажут одни.

«Бороться», – скажут другие.

Молодой врач Дмитрий Светлов, Пифагор, решил бороться – потому что не мог спокойно думать о том, что его Дуню обнимает другой мужчина.

В сказке, чтобы завоевать красавицу принцессу, герою надо пройти через множество испытаний.

Испытания, которые предстоят Пифагору, сказочным богатырям и не снились – жизнь не сказка, здесь все гораздо жестче.

Но Пифагору есть во имя чего рисковать – он точно знает, что Авдотья должна во что бы то ни стало быть с ним.

Содержание

1	4
2	10
3	15
4	22
5	29
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Иосиф Гольман

Авдотья и Пифагор

1

Бангкок Пифагора не потряс.

Слишком тревожили мысли о московском бытии Дуняши. Да и текущие дела не способствовали проявлениям туристских инстинктов.

Хотя ничего подобного он, конечно, раньше не видел. Ни гигантского Будду позолоченного, встретившего их прямо в аэропорту. Тоже, кстати, гигантском – Александр Федорович сказал, что самом большом в Юго-Восточной Азии.

Ни отеля пятизвездочного с таким бассейном, что в нем свободно мог бы резвиться средних размеров кит. Да еще на такой высоте, что многие птицы постоянно проживали гораздо ниже.

А когда Пиф зашел в свою комнату (она примыкала к люксу Богдановых), то вообще удивился: ну зачем ему одному две кровати, да еще и диван?

А вот что понравилось – это вид из окна. Внизу все было пестрым и в основном зеленым. И это самое все, насколько хватало глаз, рассекалось прямыми линиями каналов с мутной, тоже зеленой, но с коричневатым оттенком водой. Каналы казались неширокими, хотя, возможно, сказывался эффект тридцать второго этажа, а вот движение по ним было более чем оживленным.

Катера совсем не походили на привычные, «Москвичи», что пыхтят на главной – и единственной, не считая Яузы, – судоходной реке российской столицы. Здесь они были приземистые, широченные – чуть не на весь канал. Благо встречных не наблюдалось: то ли движение одностороннее, то ли предусмотрены разъезды, как у железнодорожных составов, на одной колее.

Передвигались необычные плавсредства плавно, но шустро. Пристань располагалась прямо перед гостиницей – и за несколько минут, что Пифагор простоял у окна, причалило три штуки. График как в московском метро.

Не успевал катер ошвартоваться, как народ валом валил на берег. Причем не через вход-выход, а вдоль всего борта, поскольку сплошных стен конструкция не предусматривала. Как только «приливная» пассажироволна иссякала, с пристани на борт той же методой заливалась волна «отливная» – и немыслимое количество быстро скапливавшихся тайцев и туристов моментально исчезало в емком чреве суденышка.

Все это проделывалось столь ловко и регулярно, что Пифагор, замороженный зрелищем, впервые за последние месяцы забыл про свою главную думу, из-за которой и заграница не радовала, и фантастический Бангкок не потрясал.

Вернула его к действительности Ольга Николаевна.

– Дима, будь добр, помоги.

Он метнулся в открытую ею дверь между номерами и сразу оказался в их люксе. Ожидал увидеть что угодно – за время путешествия Александр Федорович дважды терял сознание, – но требовалась всего лишь несложная житейская помощь.

Пиф ловко, какими-то по-особому мягкими движениями раздел Богданова донага и, взяв, как ребенка, на руки, отнес в ванную комнату.

Да, если бассейн в этом отеле был похож на море, то ванная явно тянула на приличный бассейн.

Ольга Николаевна уже набрала в нее воды. Пифагору не надо было проверять температуру, он давно убедился, что она все делала быстро и точно.

Александр Федорович вытянулся в ванне во весь свой рост, и на фоне ее белизны еще сильнее выделилась болезненная худоба и нездоровая желтизна кожи. Ему явно было приятно и, как обычно, во время таких процедур – немного неловко.

– Напрягаю я всех, – пробормотал он.

– Перестань, – буркнула Ольга. – Никого ты не напрягаешь. Дима – на работе, а я – твоя жена.

Больной прикрыл глаза и тихо вкушал нечастое в последние месяцы физическое удовольствие. Отсутствие боли уже было радостью. И как этого не понимают люди, у которых пока ничего не болит!

Пифагор с привычным сочувствием оглядел своего пациента.

При приличном росте масса тела – максимум килограммов пятьдесят. Умные глаза без очков кажутся растерянными. Но хоть не такими, какими они были при их первой встрече.

Богданов тогда впервые услышал о своем диагнозе, и глаза его были полны боли и ужаса. Хотя выглядел он в тот день много лучше, чем сегодня.

«Вообще, он молодец», – подумал о больном Пиф. С паникой справился быстро. Взял себя в руки, начал приводить в порядок дела. Ему помогало то, что были на свете люди, о которых он беспокоился больше, чем о себе. Старшая дочь жила с мужем за границей, Пифагор ее не видел, хотя несколько раз отвечал ей по телефону. И младший сын, Вовка, совсем пацан, только в школу пошел – его сейчас оставили с бабушкой, мамой Александра Федоровича.

Ну и, конечно, Ольга Николаевна.

Она любила своего мужа какой-то скрытой, непоказной любовью.

Как львица, что ли. Все взяла в свои руки и сама потихоньку сохла вместе с больным, не в силах смириться с неизбежным будущим. Удивительно: Александр Федорович смириться со своим будущим постепенно сумел, а его жена – нет. Именно она стала инициатором этого странного предприятия: поездки с безнадежно больным мужем к какому-то крутому знахарю-хилеру в бесконечно далекие Филиппины.

После водных процедур больной почувствовал себя гораздо лучше. У него вообще была очевидная ремиссия, особенно неожиданная после трех недель сплошных болевых атак.

Рак часто ведет себя непредсказуемо, но в этом случае крутой вираж болезни мог только радовать. Потому что совсем недавно, в Москве, глядя, как мучается пациент, Пифагор был готов согласиться с апологетами эвтаназии. Теперь уже нет.

Ведь если б Богданов выпросил тогда у Пифа избавительную-смертельную инъекцию – а он просил! – то никогда бы не увидел Бангкока. А так, глядишь, еще и Филиппины повидает.

На случай возвращения чудовищных болей Пифагор выклянчил у своего кумира-руководителя, доктора Балтера, особые запретные таблетки, которые позволялось давать лишь тогда, когда боль станет невыносимой. Это лекарство было не только безумно редким, но еще и опасным для врача: не сертифицированный в России наркотик Балтер привез из-за рубежа, с одной из научных конференций, куда его без конца приглашали разные звезды международной медицины. Леонид Михайлович Балтер и сам был светилом, причем всемирного масштаба. Тем не менее даже ему пришлось бы несладко, докопайся кто до этих самых фиолетовых таблеток. У нас ведь испокон веков так: умереть от боли – пожалуйста, а вот снять боль, нарушив требования какой-нибудь доморощенной бумаженции, – только под риском тюрьмы.

«Кстати, – запоздало испугался Пиф, – а что думают по поводу фиолетовых таблеток здешние полицейские? А то найдут пузырек – и привет. Лет двадцать в местной тюрьме гарантировано, несмотря на вид сопровождаемого больного».

Хорошо, что он не подумал об этом на таможенном контроле, а то б его быстро вычислили по трясующимся рукам.

Он порылся в сумке и достал пузырек. Открыл, высыпав на ладонь семь овальных таблеток. Очень захотелось тут же спустить их в унитаз, а потом тщательно вымыть руки. Но это стало бы предательством пациента. А грош цена доктору, пусть и будущему, который способен предать своего пациента.

Пифагор вздохнул, ссыпал таблетки обратно в пузырек, а пузырек спрятал в походную аптечку.

Будь что будет. В конце концов, не звери же, должны разобраться, тем более что больной рядом с ними.

– Дима, – снова постучала в дверь между номерами Ольга Николаевна, – мы готовы.

– Хорошо, – отозвался Пиф.

Он уже разложил в рабочее положение небольшую и очень удобную коляску на широких дутых колесах. Коляска легко приводилась в движение и еще легче управлялась.

Это им очень пригодилось внизу, потому что народу на улице стало как на первомайской демонстрации в советские времена.

Не сразу, но обнаружили и объединявшие разношерстный народ цели.

Точнее, единственная цель: вкусно и сытно поесть.

Они прошли-то всего ничего, как незаметно для себя оказались в центре гигантского уличного рынка. Здесь продавалось все, что можно было съесть или выпить.

Продавалось по-разному: тоннами и контейнерами, килограммами и сетками. А также штучно и в розлив. Кроме того, вокруг одновременно в сотнях, а может, тысячах мест что-то съестное чистилось, резалось, фаршировалось, варилось, тушилось и жарилось. О, еще коптилось.

Это мог быть ресторан, ресторанище или ресторанчик. Но чаще всего это был таец, так сказать, повар-солист, перед одно– или двухконфорочной газовой плиткой, питавшейся от баллона. На плитке стояла сковорода, а в сковороде что-то фырчало, стреляло брызгами и пахло, иногда – отвратительно для европейского носа, однако в большинстве случаев – очень даже аппетитно.

Троица старалась держаться относительно широкой улицы, где легче было увертываться от снующих людей.

И не только от людей: Пифагор едва не врезался во что-то серое, что в сгущавшихся сумерках принял поначалу за брезентовый борт грузовичка. По сути, так оно и было, только в роли транспортного средства выступал небольшой слон, тащивший на спине несколько мешков с чем-то круглым, из этих самых мешков выпиравшим.

Они благоразумно свернули на более узкую дорожку, по которой слоны ходить были не должны. Идти пришлось медленнее, но торопиться было некуда – их самолет вылетал лишь утром. Длинную пересадку сделали специально, чтобы дать отдохнуть Александру Федоровичу.

Теперь они шли фруктовыми рядами. Чего здесь только не продавали! Ананасы маленькие и большие, зеленые и коричневатые. Арбузы маленькие и большие, ярко-красные и... ярко-желтые! Персики, дыни, яблоки, апельсины. А также десятки фруктов, которые Пиф не только ни разу в жизни не пробовал, но даже ни разу в жизни не видел.

– Я хочу есть, – неожиданно заявил Богданов.

Сопровождающие обрадовались: давненько не предъявлял он подобных желаний.

– Поехали в отель, Санечка, – сказала жена. – Там закажем все, что захочешь.

– Я хочу здесь, – ответил тот. – Прямо на улице.

По тону было ясно, что спорить нежелательно.

Ольга растерялась. Конечно, вокруг – сотни мечтающих их накормить. Но что будет с мужем? А вылет – с утра.

Она как-то жалобно посмотрела на Пифагора. Будущий врач подумал и принял решение.

– Хорошо, – сказал он. – Только кормильца выберу я.

– О'кей, – согласился Александр Федорович.

На улице совсем стемнело, однако разом затрещали маленькие бензиновые электрогенераторы, и базар теперь освещался десятками тысяч лампочек. Света добавляло и пламя от бесчисленных плиток и жаровен.

Пиф подошел к пожилому тайцу, заговорил по-английски. Тот вполне сносно ответил.

– Мне надо накормить очень больного человека, – тихо сказал будущий доктор.

– Что болит? – спокойно спросил таец.

– Желудок, кишечник, печень, легкие, – начал было перечислять Пифагор, но замолк, потому что тот увидел Богданова и понимающе качнул головой.

– Мясо или рыба? – спросил он у больного, которого уже подкатила Ольга Николаевна.

– Мясо, – ответил Александр Федорович. – И рыбу, – добавил он. – И овощи.

– Хорошо, – невозмутимо ответил таец.

Он достал небольшую чистую сковородку, поставил ее на огонь, а из маленького холодильника вытащил уже нарезанные кусочки чего-то непонятного.

Через минуту все шипело, булькало и пыхтело паром, так же как и на сотнях других импровизированных кухонь. Вторая конфорка тоже была занята: там готовились овощи в каком-то замысловатом соусе.

Готовка оказалась недолгой, видно, все продукты были заранее замаринованы или еще как-то обработаны.

Таец достал одноразовые картонные тарелки и пластиковые вилки. Потом подумал и вытащил откуда-то из-под плиты красивую, с виду фарфоровую, тарелку и изящные мельхиоровые вилку и нож.

– Только одна, – извинился он.

– Все отлично, – успокоила его Ольга Николаевна, накладывая мужу понемногу из обеих сковородок. – Ешь, Санечка.

На колени Богданову поставили чистую выданную тайцем картонку. Поверх нее – фарфоровую тарелку с затейливым золотым узором и вкусно пахнущей едой. Сопровождающие ели из одноразовых.

Неожиданно к ним присоединился и таец, устроивший себе ужин. Может, решил подтвердить качество еды?

Все оказалось чертовски горячим и чертовски вкусным. Пифагор боялся острых специй – богдановская печень была никакая, – но ни перца, ни уксуса не чувствовалось. Пища ни в коем случае не ощущалась пресной. Однако приправы оказались удивительно мягкими и – какими-то не резкими, что ли.

Первым доел свою порцию Богданов и... попросил добавки. Ольга Николаевна вопросительно посмотрела на будущего эскулапа. Пиф же был в легком замешательстве.

– Пусть ест, – сказал таец.

– Вы очень вкусно готовите, – благодарно отозвался Александр Федорович. Его английский был несравнимо лучше, чем у повара и Пифагора. Настоящий английский.

– Спасибо, – ответил тот.

Добавку Богданов поглощал гораздо медленнее.

Было видно, что он устал. А еще было видно, что ему очень вкусно.

Наконец он закончил, вытер губы и пальцы поданной женой салфеткой.

Пифагор взялся за ручки коляски и, поблагодарив тайца, потихоньку направился вперед.

Ольга Николаевна чуть задержалась, чтобы рассчитаться.

– Сколько мы вам должны? – спросила она.

Таец назвал сумму. В Москве за эти деньги пирожков на вокзале не купишь.

Богданова дала много больше запрашиваемого, но повар, аккуратно отделив часть денег, вернул остальное ей.

– Вы знаете, это просто чудо, что он так хорошо поел, – по-английски поблагодарила она.

– Чудеса случаются, – улыбнулся тот.

– Большое вам спасибо, – попрощалась Богданова.

– На здоровье, – на ломаном русском откликнулся пожилой повар.

Они возвращались в отель по неожиданно пустой улице – шумный рынок остался позади. На мосту через неширокий канал Александр Федорович попросил остановиться.

Богдановы отпустили Пифа, тот быстрым шагом направился в отель. Ему еще предстояло важное дело – дозвониться до Дуняши. Он не мог звонить со своего мобильного, так что следовало добраться до номера. А еще он не мог звонить на ее мобильный. Нужно было дозваниваться на домашний телефон ее мамы, Валентины Викторовны. И чтобы Дуняша была там.

Как же не вовремя оказалась эта поездка!

Но отказать в помощи Богдановым Пифагор не мог. Да и деньги могут скоро понадобиться.

Он быстро разобрался с кодами и набрал номер. Выслушал длинные гудки, положил трубку, повторил набор. С тем же результатом.

Расстроенный и беспокойный, лег спать.

Почему-то подумал о Богдановых. Вот они всего добились в этой жизни: любви, детей, достатка. Ну а смерть – она по-любому когда-нибудь приходит. К тому же, чем черт не шутит, пока медицина спит – хилера нашли не просто так, а по наводке каких-то могущественных богдановских друзей. А вот у них с Дуняшей пока все очень тухло.

Он еще раз набрал номер. Послушал гудки.

Наконец, включив кондиционер посильнее, положил голову на удобную подушку – завтра тоже предстоял тяжелый день.

Богдановы же так и стояли в одиночестве на мосту.

Катера уже не ходили. Даже немногочисленные прохожие постепенно исчезли. Нужно было идти в номер, но Александр Федорович явно этого не хотел, а Ольга Николаевна не решалась его торопить.

Под светом желтых фонарей вода в канале теперь казалась черной. Неспешное течение несло мелкие прутья и опавшую листву.

– Может, пойдем, Санечка? – наконец спросила она. – Завтра рано вставать.

– Пойдем, – выдохнул он.

Она нагнулась к нему, поцеловала в лысину. Когда-то у Саньки была роскошная вьющаяся, соломенного цвета шевелюра. Потом подушечками указательных пальцев мягко вытерла Санечкины глаза.

Пальцы стали мокрыми.

– Все будет хорошо, Санечка, – сказала она. – Я обещаю.

– Да, – вздохнул он.

Она покатила коляску к отелю, а в голове крутилась только одна мысль. О чудесах, которые случаются. Так ведь сказал пожилой таец?

Но верилось в чудеса слабо.

2

– Кураева есть?

Дуняша никак не отреагировала. За без малого три года замужества к своей новой фамилии она так и не привыкла.

– Авдотья Кураева здесь есть?

Она бы и на Авдотью не откликнулась. Сколько себя помнит, все и всегда звали ее Дуняшей.

Однако, почувствовав на себе сердитый взгляд медсестры, встрепенулась и вернулась в реальный мир.

– Я, – отозвалась Дуняша.

– Что же молчите? – укоризненно, но уже без раздражения сказала медичка. – У вас все неплохо. – Она протянула Дуняше небольшую пачку бумаг с результатами анализов. – Подробнее вам доктор расскажет.

– Спасибо, – поблагодарила Дуняша.

Вышла из приемной лаборатории с каким-то странным, смешанным чувством.

Конечно, хорошо, что анализы нормальные. Это значит, отсутствие беременности – простая случайность. Так бывает. Даже лечиться не надо. Вопрос только во времени. А что же тогда нехорошо? И почему хорошие анализы вызывают в ее душе... замешательство, что ли?

Не потому ли, что она не очень хочет ребенка?

Или, точнее, ребенка-то хочет. Но – абстрактно. И не от мужа.

Она снова понурила голову, спустилась в гардероб, оделась и по шумной Дорогомиловской улице двинулась в сторону Киевского вокзала.

Погода была не лучшей, хотя весна жила на календаре уже чуть ли не месяц. Пока только на календаре: сыпал мелкий, секущий лицо снег, он же, только превратившийся в серую кашу, неприятно хлюпал под ногами. Правда, идти долго не пришлось: большой черный «Мерседес», скрипнув тормозами, притормозил прямо перед ней.

Из-за руля выскочил Иван Озеров, водитель Марата. Вежливо поздоровался, услужливо открыл дверь.

Она поблагодарила, села на удобное кожаное сиденье.

Иван круто взял с места, развернулся на ближайшем перекрестке и, как всегда лихо, направился по Дорогомиловской в сторону области, на дачу.

«Даже не спросил, куда ехать», – без каких-либо чувств подумала Дуняша. Ее вообще никто ни о чем не спрашивает.

За окном быстро пролетали помпезные сталинские дома Кутузовского проспекта. Вот проехали Бородинскую панораму. Почему-то вспомнилось, как всем классом сюда приезжали на экскурсию. Было ли интересно? В общем-то, да. Особенно мальчишкам, изучавшим батальные сцены. А тогдашней Дуняше было хорошо и без лицемерия столь важных для отечественной истории моментов. Ей тогда было хорошо вообще. Не применительно к чему-то конкретному – и от яркого солнца, и от того, что в автобусе хором пели про «Ой, цветет калина», и от явного, пусть пока скромно-завуалированного мальчишеского внимания.

Чего-чего, а мальчишеского внимания ей хватало с самого детского сада, с самой младшей группы, чуть не ясельной, куда ее отдала мама, чтобы иметь возможность работать и, соответственно, кормить свою неожиданно появившуюся дочурку. Короче, с того возраста, когда дети начинают осознавать, что они не все одинаковые и что кто-то из них – мальчик, а кто-то – девочка.

Дуняша тяжело вздохнула.

Вот же странная штука – жизнь.

Молодая, красивая. Слегка потухшие глаза – не в счет при наличии дорогой косметики. Одета по парижско-рублевской моде. И «Мерседес» с водителем в придачу. Вот только едет она на этом «Мерседесе» не в ту сторону.

Хотелось-то – ровно в обратную, не на запад, а на восток, к станции метро «Электрозаводская». Там, в чудом уцелевшей панельной пятиэтажке, живет ее мама. Там же прожила семнадцать счастливых лет и Дуняша.

А еще в их однушке-«распашонке» есть телефон, который в свое время они с мамой прождали в очереди десять лет: еще немного – и он бы не понадобился из-за взрывного роста мобильной связи. Однако именно по нему, немодному, с круглой трубкой, светло-зеленому и так похожему на сплюсненную лягушку, ей сейчас вполне могли звонить. Потому что звонить ей на домашний, никому не ведомый и практически не используемый, можно, а на ее украшенный стразами от Сваровски «Верту» – нет.

«А может, Марат уже и мамин телефон прослушивает?» – вдруг ужаснулась Дуняша. И судорожно начала вспоминать, не было ли сказано что-то, что могло стать непростительной ошибкой?

Вроде бы нет. Испуг медленно проходил, а тяжелое ощущение гнета, жизни под колпаком, сохранялось. Как у разведчика на задании.

Но разведчика после возвращения ожидает очередное звание и награда. А что ждет ее?

– Иван, притормози, пожалуйста! – Они уже проскочили пол-Москвы, видно, народ побоялся в снегопад выезжать на дороги, и пробок не было. Обычно-то бывает наоборот.

– Где всегда? У супермаркета? – спросил водитель.

– Ага, – подтвердила Дуняша.

В этом магазине все было процентов на двадцать дороже, чем в центре Москвы. Но Дуняша и не собиралась делать серьезных покупок.

Она вышла из машины и, зайдя за угол, прибавила ход. Добежала до салона-парикмахерской. Наташка была на смене.

– Что ж не предупредила? У меня клиентка, – расстроилась подруга.

– Я на минутку. Мне только позвонить, – отдышавшись, сказала Дуняша.

– Он что, уже и телефоны прослушивает? – зло сжала губы Наташка.

Дуняша, не желая терять времени, только кивнула в ответ.

Наташка молча дала ей мобильный и деликатно отошла к клиентке.

После набора номера телефон долго и безрезультатно гудел. Значит, мама еще на работе.

Она уже собиралась дать отбой, как услышала мамин голос.

– Мамуль, привет, – быстро проговорила Дуняша. – Пиф не звонил?

– Нет, – ответила мама. – Я сама только вошла, через дверь услышала гудки. Как ты там, доченька?

– Хорошо, мамуль.

– Да разве ты скажешь... – расстроилась мама.

Она ж не маленькая. Наверное, если бы было хорошо, общалась бы с кем хочет не через посредника и не была бы такой печальной.

Вот уж действительно золотая клетка.

Всю жизнь Дуняша была самой веселой среди сверстниц, самой заводной, самой доброй и отзывчивой. А теперь вот – глаза угрюмые да встречи – даже с мамой – чуть не тайком.

– Хотя скажи, чем ты там занимаешься? – спросила мама.

– Размышляю, – невесело усмехнулась дочка.

– О чем?

– О смысле жизни.

– А чувствуешь себя как?

– Хорошо, мам, я себя чувствую, – вздохнула Дуняша. – Анализы вот сегодня забрала. Все в норме. Могу рожать.

– Так, может, и родить? – после паузы тихо сказала мама. – Он же тебя любит.

– Кот мышек тоже любит, – подвела итог дочка. – Мам, ты извини, мне нужно бежать.

– Хорошо, милая, – сказала мама, – давай беги по своим делам.

Дуняша точно знала, что мама в этот момент сделала: представила перед собой свою девочку и рукой трижды быстро ее перекрестила.

Дуняша отдала Наташке телефон и торопливо двинулась обратно. По пути забежала в магазин, купила «Мишек на Севере». К машине подбежала, жуя конфету. Села, предложила Ивану. Тот улыбнулся и отказался. Неважно. Важно, что видел конфеты, купленные в магазине.

Пробка началась у самого выезда из города.

Видно, ждали проезда какого-то начальника – неизбежная российская плата за жизнь на самом престижном шоссе столицы.

Дуняше спешить было некуда. Она расслабилась, облокотилась на удобную и широкую спинку «мерседесовского» сиденья и даже смежила веки. Сон не пришел, а вот картинки, не очень связные и непонятно сцепленные между собой, появились.

Вот Пиф стоит у доски. Какой же это класс? Наверное, второй. Он еще Пифом не был. Маленький, ушастый. Долговязым он стал лишь классе в восьмом, буквально за одно лето.

Пиф стоит у доски и что-то пишет мелом. Буквы корявые, Дуняша всегда писала куда лучше и чище.

Зато Пиф умный. Любую задачку решит, и за себя, и за подружку. Он же не зря Пифагором стал. Его так Петр Андреевич назвал, когда тот какую-то олимпиадную задачку походя расщелкал.

Хотя с Пифагором все-таки ошибочка вышла, правильнее было бы «Авиценна». Или, на худой конец, «Пирогов» со «Склифосовским». Потому что Дима Светлов надежд Петра Андреевича никак не оправдал, точные науки хотя и ценил, но лишь как игру ума. Для души и сердца Пифу всегда требовалось что-то живое и теплое. Да, еще очень желательно – большое. Если ворона – то с переломанным крылом, если собака – то запаршивевшая и слегка лишайная. Вот уж счастлива была его бабушка, Лия Александровна, когда Пиф притаскивал в их малогабаритку очередное малахольное чудо!

Но не ругала, даже помогала убирать следы жизнедеятельности пациентов, типа – санитарка при профессоре. Потому что лечить больных была только его прерогатива. Он прочищал перекисью водорода грязные ранки, аккуратно выстригал кошачью и собачью шерсть вокруг обрабатываемых мест, терпеливо выстригивал из веточек тонкие шинки для сломанной вороньей лапы.

Не все его пациенты выживали. Тогда, слегка всплакнув, но без истерик, ведь у каждого врача есть свое кладбище, Пиф предавал бранные останки очередного бедолаги земле. Для этого он специально шел в Лефортовский парк, причем поздно вечером, потому что похоронные ритуалы в парке вообще-то не одобряли.

Выжившие – а таких все же было большинство – улетали или убегали на волю. Это про птиц и кошек. Собаки убегать не хотели. Две вылеченные дворняги на постоянной основе жили у Пифа, но он, как мужчина рассудительный, понимал, что этот путь порочен: не может же профессиональный доктор прописывать на своей жилплощади всех излеченных пациентов? Поэтому псов пристраивали по знакомым, а если не получалось – отдавали в собачью благотворительную организацию. Там Пифа уже знали, их доктор – настоящий ветеринар – даже преподавал мальчишке несколько уроков по неотложной травматологической и токсикологической помощи.

Дуняша не очень одобряла подвижническую миссию друга. Не то чтобы она не любила животных (кот Матвей появился у них с мамой тогда, когда еще и сами сытно не каждый день ели), просто считала, что профессиональная деятельность и повседневная жизнь должны быть как-то разделены. Ну не оперируют же знаменитые хирурги у себя дома в гостиной, на обеденном столе! Для этого есть другие, гораздо более подходящие места.

И еще было одно соображение, правда, появилось оно у Дуняши гораздо позже. Пожалуй, уже тогда, когда славная девочка плавно преобразовалась в не менее славную девушку.

Конечно, она не раз думала о взрослом продолжении их детских отношений. В Пифе, кроме доброты и более чем нежного отношения к Дуняше, были еще и ум, и настойчивость, и большое терпение. Как ей казалось, этого было более чем достаточно, чтобы добиться успеха во взрослой жизни.

Хотя кое-что всерьез смущало.

Например, Пиф, несомненно, был одарен математически, Петр Андреевич не зря делал на него ставку – а однажды даже попросил Дуняшу воздействовать на друга, дабы тот серьезнее относился к предоставленным ему богом возможностям. Прямо сказал: Пиф – самый талантливый из всех его учеников (надо думать, за двадцать лет преподавательской деятельности у Петра Андреевича учеников было достаточно).

Дуняша, как и обещала, поговорила с Пифом. Ответ ее удивил. Оказывается, Пиф не любил математику! Ни одной четверки за всю школу, все ловил на лету. Представлял школу на городских олимпиадах – и не любил математику!

«Как это может быть? – недоумевала Дуняша. – Впереди ж такая карьера открывается!»

Петр Андреевич много чего ей сулил, понимая, что девушке это безразлично.

– А вот ты посуду мыть любишь? – вопросом ответил Пиф.

– Не очень, – созналась она.

– Но ведь у тебя получается, – не унимался Пиф. – Никаких интеллектуальных препятствий нет. Тебе все понятно в мытье посуды?

– Все. – Дуняша уже поняла, к чему он клонит.

– Так, может, займешься этим вопросом профессионально? Впереди целая жизнь. Станешь супермастером по мытью посуды.

– Сравнил, – вяло отбивалась она. – Науку и мытье посуды.

Но отбивалась действительно вяло, потому что главную мысль усвоила. *Не все, что легко дается и хорошо оплачивается, увлекает.*

Эту глубокую философскую мысль она в будущем не раз прочувствует, причем на собственной шкуре. И ей не понравится.

История бесследно не прошла, хотя и не привела к каким-то конкретным решениям.

Потом на нее наложилась еще одна история.

...Дуняша не успела додумать, как машина подъехала к закрытым воротам их поселка. Она, махом вырванная из собственных мыслей, как в первый раз, удивилась, увидев гигантскую высоту их поселкового забора. Сколько обычно высота в заборе? Полтора метра, два, у рачительных и осторожных хозяев может быть три. Здесь же верных пять, причем солидного, покрытого темно-коричневым пластиком профилированного металла. Сверху – спираль из блестящей колючей проволоки с веселеньким названием «Егоза», шипы на солнце посверкивают. Надежно защищает обитателей поселка от всех внешних воздействий.

А заодно не менее надежно отделяет некоторых его жителей от прежней жизни, прежних друзей, прежних привязанностей.

То есть прежнее ушло. А вот настоящего пока не появилось.

Машина плавно проехала КПП и неспешно двинулась по обсаженным елями внутренним дорожкам-аллеям.

А Дуняша вернулась к волновавшей ее мысли.

Пифа не только не интересовала математика, казалось, его вообще наука не интересовала. Да и карьера тоже.

Вот ранки обрабатывать ему нравилось, и шинки накладывать, и даже клизму ежику ставить.

Она не спорит: поставить ежику клизму не каждый сможет. Но не всю же жизнь возиться с клизмами и перевязками! Неужели она собирается связать свою судьбу с вечным медбратом?

А еще ей очень хотелось выбиться из нищеты.

В том, что они с мамой живут в нищете, она убедилась только в старших классах – до этого ее абсолютно все устраивало. Но вот прийти на выпускной в перешитом мамином платье – не устраивало. Девчонки дни напролет болтали о том, где, как и какое платье они к выпускному ищут. Она по понятным причинам в этих беседах не участвовала.

И если бы дело было только в платьях!

Пифа же все это, казалось, вообще не интересовало. Его будущее было предопределено. Его жизнь с бабушкой – родители Пифа погибли в автоаварии еще до того, как он пошел в школу, – была размеренна и уютна. Его отношение к Дуняше было таким же размеренным, понятным и предсказуемым.

Вот на таком фоне и высветился Марат. Второе, так сказать, пришествие. Первое было еще в четвертом классе, и он тогда звался Маратиком. Сейчас вряд ли кто так его назовет...

Машина остановилась около кованых ворот особняка. Водитель нажал кнопку инфракрасного брелока, и огромные створки мягко раскрылись.

«Мерс» въехал во внутренний двор.

– Все. Мы дома, – сказал Иван. И ухмыльнулся.

Дуняша вздохнула. Иван – умный, только недобрый. Интересно, почему он ее не любит? А еще интересно, кто ее здесь вообще любит. По крайней мере, в том смысле, в каком она это слово понимает...

Она вышла из авто и направилась к дому.

3

Ночь прошла без происшествий.

Александр Федорович спал спокойно, позавтракал с аппетитом, так что утром Ольга Николаевна казалась веселой и оживленной.

Насчет чудес она, конечно, все понимала правильно, но они оба с мужем, по наблюдениям Пифа, старались не заглядывать в будущее. Будущего у них, по большому счету, не было, в связи с чем Богдановых абсолютно удовлетворяло настоящее. Особенно когда в указанном настоящем не было ни боли, ни физических страданий. Любовь же – присутствовала постоянно.

Наблюдая за ними, Пиф часто ловил себя на мысли, что завидует.

Казалось бы, глупо и нелогично завидовать влюбленным, обреченным в самом скором времени на бессрочную разлуку. Но Пиф испытывал именно это чувство!

Ольга Николаевна не упускала ни единой возможности, чтобы словом или ладонью приголубить своего несчастного Санечку. А тот, какой-то уже внутренне успокоенный, больше переживал за нее, чем за себя. И тоже старался если не физически, то хотя бы взглядом приласкать свою женщину.

Пиф часто размышлял по этому поводу.

Богдановы, похоже, прожили в таком блаженном состоянии почти четверть века. А большая часть человечества этого состояния вообще не испытала, прожив и дважды по столько. Так кому повезло сильнее?

Пиф пока не готов был, даже в уме, обменять свою нынешнюю жизнь на заведомо укороченное счастье с Дуняшей. Но не потому, что старался выгадать срок подольше, а скорее потому, что вообще плохо относился к подобным сделкам, пусть и умозрительным. Каждый должен пройти своей дорогой.

Подумал о Дуняше – и больше уже ни о чем не смог думать.

Когда он ее впервые увидел? Да в первом классе и увидел. Она была с двумя огромными белыми бантами, розовым ранцем на спине и с большими гладиолусами в руках, едва ли не больше ее самой. Рядом стояла ее мама, Пиф почему-то запомнил, что принял ее за девочкину бабушку. Теперь знает почему – жизнь у Валентины Викторовны получилась не самая легкая. Прямо скажем, напугала ее жизнь, до сих пор испуганная живет. И те гладиолусы наверняка ей было непросто купить первого сентября, когда бессовестные торговцы безбожно вздувают цены. Но ей так хотелось, чтоб все было как у людей. Это и сейчас ее главное движущее чувство. Видимо, так она представляет себе счастье.

Почему маленький Дима запомнил то утро – тоже понятно. Ведь девочка с белыми бантами – у нее еще и колготки были ярко-белыми – поразила будущего Пифа в самое сердце. Вся она была такая ладненькая, крепко сбитая, со светлыми волосами. И такая веселая!

Дима жил с бабушкой, которую очень любил, но особого веселья дома не было. Девчонка же прямо искрилась удовольствием от самого факта своего существования. Пиф и сейчас не понимает, как у такой мамы выросла такая дочурка.

Додумал Пиф свою мысль – и осекся: сейчас-то Дуняшу уже никак нельзя назвать хохотушкой, безоговорочно влюбленной в жизнь. Дорого заплатила та веселая девчонка за желание жить как все.

Впрочем, Пиф не склонен осуждать людей за их естественные поступки. Тем более – Дуняшу. Он будет за нее до конца и при любом раскладе. Лишь бы она согласилась принять все его жертвы...

...Снизу позвонили – пришло такси в аэропорт. Портье поднялся за чемоданами, а Пиф взялся за коляску.